РАЗДЕЛ ТРИНАДЦАТЫЙ

В колхозе наше личное существование стало полностью зависимым от диктата коммунистической партии и капризов местного начальства. Каждая, даже самая незначительная мелочь в нашей жизни была под присмотром. А распорядок нашего дня был строго регламентирован. Приказы следовало исполнять безо всяких оговорок, даже не задумываясь об их смысле и цели. Широкая сеть внедрённых тайной полицией доносчиков, сексотов и агентов-провокаторов следила за каждым нашим шагом.

Нас постоянно подозревали в измене. Даже проявление грусти или радости служило основанием для подозрений. Ведь грусть свидетельствовала о неудовлетворенности нашей жизнью, а радостное настроение – неважно, спорадичное оно или невольное и скоротечное, – трактовалось как опасное явление, которое может подорвать преданность делу коммунизма. Приходилось всегда и везде быть осмотрительным в проявлениях собственных чувств. Нам всячески давали понять, что жить каждому из нас разрешено до тех пор, пока мы придерживаемся партийной линии – будь то в личной, или в общественной жизни.

К этому времени – всего через два года после принудительной коллективизации – нормальные человеческие отношения полностью распались. Соседа вынуждали доносить на соседа, друзья должны были предавать друзей, детей учили заявлять на своих родителей, из-за чего даже родственники старались меньше общаться друг с другом.

Куда и подевалось традиционное приветливое гостеприимство крестьян, уступив место недоверчивости и подозри-

тельности! Страх стал постоянным нашим спутником: человек был охвачен мистическим ужасом, оказавшись в беспомощном одиночестве и отчаянии перед лицом государственной мощи.

Руководящими органами колхоза были парторганизация, общее собрание колхозников и правление. Вспомогательные контрольно– карающие функции исполняли ревизионная комиссия и колхозный суд. Организационную поддержку партии оказывали комсомол и комбед (эта организация бедных крестьян продолжала существовать и после завершения коллективизации). Рука об руку с ними действовали другие организации, которых вместе со всякого рода тайными и нетайными агентами, агитаторами, пропагандистами и активистами руководство использовало, чтобы следить за каждым дыханием колхозников.

Фактически колхозными делами заправлял секретарь парторганизации колхоза. Остальные колхозные руководители были простыми исполнителями его распоряжений. Партийный секретарь был местным диктатором, его функции были приблизительно такие же, как и у политического комиссара в Красной Армии. Как там командир не мог отдать ни одного приказа без одобрения политического комиссара, так и председатель правления колхоза не имел права ничего решать без одобрения партсекретаря.

Высшим органом колхозного самоуправления, согласно колхозного устава, было общее собрание членов артели. В действительности же это собрание лишь представляло орган, посредством которого партийная организация навязывала народу свою политику и свои решения по всем важнейшим вопросам.

В текущей работе исполнительным органом коллективного хозяйства было правление, которое избиралось на общем собрании сроком на два года. Вместе с председателем в правление входили девять членов. Их избирали, как считалось, за личные заслуги, знания, и опыт в ведении хозяйства, но на деле этими демократическими принципами пренебрегали. На каждую должность выдвигалось только по одному кандидату, а его подбирали среди членов партии или людей, заслуживающих партийное доверие. Поскольку голосование происходило простым

подъёмом рук и каждое явное проявление оппозиции против партии грозило избирателю преследованием, то партийным верховодам совсем не трудно было обеспечить желаемый состав правления.

Председателем правления избирали обязательно членов или кандидатов в члены партии. Профессиональная квалификация при этом не принималась во внимание, ведь большинство претендентов на должность председателя были горожане, неспособные отличить рожь от пшеницы или борону от плуга. Для кандидата в председатели достаточной рекомендацией была верность партии и партийной политике по отношению к колхозникам. В нашем селе председателем колхоза ни разу не становился кто-то из местных, хотя в других сёлах несколько таких назначались на эту должность.

Других членов правления и низших колхозных руководителей избирали по такому же принципу, как и председателя. Кандидат в члены правления не обязательно состоял в партии, но он должен был быть "беспартийным коммунистом", то есть верным последователем большевистской идеологии. Таких ещё называли "активистами".

Ещё одним, якобы независимым, элементом структуры колхоза считались ревизионная комиссия и колхозный суд. Комиссия, состоявшая из рядовых членов колхоза и избиравшаяся на ежегодном отчётно-выборном собрании, проверяла деятельность правления и таким образом влияла на его политику. Она также контролировала финансовые меры правления, то есть то, что касалось производства, распределения прибыли и ежегодного дохода. Однако все акты и отчёты ревизионной комиссии ещё перед собранием подвергались тщательной партийной проверке и оценке.

Колхозный суд, хоть он официально и назывался товарищеским судом, на самом деле превратился в ужасный карательный орган.

Самой влиятельной – после партийной – силой в структуре колхоза была комсомольская организация. Комсомольцы занимали руководящие посты наравне с полноправными коммунистами. Но комсомол также служил верной и надёжной опорой для разнообразных начинаний. Когда партия планировала

какую-то кампанию или просто пропагандистское мероприятие, комсомолу отводилась роль главной движущей силы, рычага, на который достаточно было нажать, чтобы заработала вся политическая машина.

Все члены сельхозартели были разделены на бригады и звенья. Они планировались как сугубо производственные подразделения, но вскоре мы почувствовали их влияние и на все другие сферы нашей жизни.

В нашем колхозе было восемь бригад. Сначала они формировались по территориальному признаку, из-за чего более-менее совпадали со стохатками. Члены первой бригады, например, относились к первой стохатке. Каждая бригада вначале охватывала приблизительно сто хозяйств и имела около двух сотен трудоспособных колхозников.

Звено соответствовало десятихатке. Каждое звено в бригаде охватывало десять-пятнадцать хозяйств и имело в зависимости от того, какого рода работы на него возлагались, – от восьми до тридцати пар рабочих рук.

Трудовые задания в колхозе распределялись по бригадам, а те, в свою очередь, определяли работу для каждого звена. Характер работы в колхозе, понятное дело, зависел от времени года.

Руководитель бригады теоретически избирался из её членов, и каждый разумный крестьянин, по уставу, имел право быть избранным на эту должность. Но в действительности бригадиров назначало правление по рекомендации или с одобрения парторганизации. Часто бригадиры были не нашими односельчанами, а присланными к нам районным руководством. Зато звеньевые обычно были из нашего села, их назначали руководители бригады, но список соответствующих кандидатов утверждался парторганизацией и правлением.

Бригадиры постепенно стали самым важным промежуточным звеном между высшим начальством и народом, вследствие чего приобрели практически неограниченную власть над членами своих бригад. Рядовой член бригады не имел права отлучиться из села или использовать свободное от работы время по собственному усмотрению без ведома и разрешения бригадира. Члены бригады, например, не могли планировать свадьбу или

какое-то другое важное событие без согласия на то бригадира. Каждый шаг приходилось согласовывать и координировать с его волей.

Доверенными помощниками бригадира были звеньевые. От назначаемых на эту должность не требовалось никакого мастерства или характера: имела значение только личная преданность кандидата.

Став членами колхоза, мы оказались под двойным управлением. Сельские власти оставались при всех своих функциях. И продолжали действовать стохатки, десятихатки и пятихатки со своими комиссиями, пропагандистами, агитаторами и разного рода начальниками. Их заданием было, как и прежде, привлекать в колхоз тех крестьян, которые всё ещё хозяйствовали единолично, а также обеспечивать заготовку пищевых продуктов для государства. Так же регулярно созывали воскресные и вечерние собрания, и нам так же само нужно было ходить на них, хотя мы уже были членами колхоза. Не забывали о нас и разные комиссии. Они продолжали время от времени, по тем или иным поводам, наведываться в наши жилища. Кроме того, к нам чередой ходили всякие уполномоченные, пропагандисты, агитаторы, представители комсомола, пионеров, комбеда. Нас то и дело призывали сдавать хлеб, платить разные налоги и развёрстки, "добровольно" подписываться на государственный заём, с нас постоянно брали "добровольные" взносы не только в государственные, но и в какие-то международные фонды в помощь зарубежным коммунистическим партиям.

Все эти повинности и обязанности, возложенные на нас, ещё удвоились и усилились после того, как мы вступили в колхоз, ведь в придачу к обычным сельским властям колхозное начальство стало фактически ещё одной местной властью. Если не было общесельского собрания, или стохатки, десятихатки или пятихатки – то иди на колхозное собрание или бригадное или, наконец, на собрание звена. На них колхозные командиры брали на себя роль сельсоветовского начальства. Почти ежедневно происходили какие-то собрания или политпросветские лекции в поле в рабочее время. "Повестка дня" на колхозном собрании была почти такой же, что и на сельских сходках. Поэтому, скажем, некоторые дела, затронутые на собрании сто-

хатки вечером, обсуждались и на следующий день уже на собрании бригады в поле.

Нас обязывали изучать речи партийных и государственных вождей, а также новые законодательные постановления или административные директивы. Если, например, появлялась речь какого-нибудь руководящего вождя, текст её рассылали из всесоюзного центра через республиканские органы в каждый населённый пункт. Спущенная в село речь доводилась до каждого крестьянина по двум каналам: через сельсоветовскую администрацию и через колхозное руководство, её зачитывали и прорабатывали по всем административным подразделениям по вечерам и в воскресенье, а потом снова зачитывали и растолковывали людям на собраниях бригад и звеньев в поле. Такой процедуре подвергалось всё, что центральная и местная власть хотела заставить нас выполнять или знать.

Одним из нововведений, которое появилось с новым режимом, был в нашем селе колхозный суд. Прежде все судебные дела рассматривались в районном центре, а теперь село получило свой собственный судебный орган.

Вначале колхозный суд не имел никакой особенной влиятельной или карающей силы, и деятельность его сводилась к сугубо дисциплинарным взысканиям. Он имел право налагать лишь небольшие штрафы или назначать наказания в виде отбывания повинности на принудительных колхозных или общественных работах не более чем на неделю. Но вскоре он начал рассматривать все дела, в том числе уголовные, гражданские и политические. В руках коммунистов этот суд стал следственным органом. Его юрисдикция распространилась на всех жителей села.

Судья в этом суде судил так, как того желала партия. Во время сессии по обе стороны от судьи заседали парторг, председатель сельсовета и председатель колхоза. Они и руководили ходом рассмотрения вплоть до того момента, когда оглашали приговор. Потому что зачитать его доверяли игнорируемым до того времени членам суда.

Среди дел, которые выносились на этот суд, были оскорбления представителей властных структур, шутки и анекдоты о выдающихся деятелях правящего режима, порча сельскохозяй-

ственного инвентаря, кражи колхозного имущества, неявка на собрание и пропагандистские мероприятия, опоздания с выплатой налогов и так далее. Суровость приговора зависела главным образом от размера вреда, нанесённого партийной политике.

Наказания, определенные судом, были довольно суровые. Если кто-то не пришёл на работу вовремя, то это каралось принудительными работами от одного до трёх месяцев. Ещё более суровые приговоры применяли к тем, чья "вина" имела политическую окраску. Оппозиция партийной политике и оскорбление её исполнителей считались чуть ли не государственной изменой. Колхозный суд в большинстве случаев передавал такие дела в высшие судебные инстанции или органам государственной безопасности, или туда и туда одновременно, с рекомендацией осудить к расстрелу или длительному заключению в "исправительно-трудовом лагере", как на юридическом языке назывались концентрационные лагеря. Такие рекомендации наверху принимались, очевидно, с большим энтузиазмом, поскольку обвинённые в подобных грехах уже никогда не возвращались в село.

"Сессии" колхозного суда происходили по вечерам едва не каждое воскресенье. На каждом заседании рассматривалось по четыре-пять дел. Присутствие на суде всех жителей села было обязательным. Поскольку в помещении суда не хватало места для всех наших односельчан одновременно, то расписали очерёдность посещений судебных заседаний стохатками по очереди. Обычно, на каждое заседание загоняли крестьян из трёх стохаток; за неявку полагалось наказание в виде денежного штрафа или принудительных работ. Бывало, что суд и судил тех, кто не являлся на заседание.

Мне пришлось присутствовать на многих таких заседаниях. Одно из них особенно запомнилось. Оно происходило в один из вечеров весной 1931 года в помещении бывшей церкви. Организаторы колхозного суда настаивали на том, чтобы это заседание было проведено со всем ритуалом. Вначале на сцене появился наш тысячник, "товарищ Черепин". Выждав, пока затихнет шум, он торжественно объявил:

– Товарищи! Колхозный суд идёт!

Зал замер. На сцену вышло трое всем нам знакомых односельчан: судья – Сидор Коваленко, бедняк, который едва умел читать и писать; за ним два народных заседателя; прокурора и защитника и в помине не было. Как эти трое стали членами судебной коллегии, этого никто не знал. Они были обычными бедняками, которые, однако, с партией и комсомолом ничего общего не имели.

Когда члены суда заняли свои места, на сцене появились председатель сельсовета и председатель колхоза.

Вот они все уселись и судья объявил первое дело. Заводят двоих подсудимых, каждый под конвоем милиционера. Судья начинает читать обвинение, из которого мы узнаём, что их обвиняют по трём статьям, а именно: агитация против советской власти, попытка подрыва авторитета партийных и советских руководителей и третье – пропаганда украинского национализма.

Это было завершением одной довольно забавной истории. Я был свидетелем этого, на первый взгляд, незначительного события, вознесённого до уровня судебного дела, и мне кажется, что его стоит рассказать во всех деталях.

Есть такая поговорка – "Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке", и она лучше всего высвечивает это событие. В пьяном состоянии оба подсудимых высказали свои мысли, а они-то и не совпадали с партийной линией.

С тех пор как началась коллективизация, с полок сельской лавки почти напрочь исчезли товары повседневного потребления. Керосин, спички, соль и другие обычные вещи стали редкостным явлением. Но вот как-то в воскресенье объявили, что в лавку завезли селёдку и будут продавать по фунту на душу. Поэтому в то воскресенье перед лавкой растянулась огромная очередь через всю площадь. Петро Зинченко, один из сегодняшних подсудимых, хотел выкупить свою пайку. Это был честный и трудолюбивый крестьянин, с хорошим характером и умный, но о нём ходила слава, что в воскресенье он любит выпить лишнюю рюмку. А поскольку было как раз воскресенье, то он, по своей привычке был, разумеется, выпивши.

– Слушай, Катерина, – подошёл он к молодой женщине, которая стояла в очереди уже возле самых дверей лавки. – Про-

пусти меня перед собой, посватаю. Вот только купим селёдки и сразу справим свадьбу.

Женщина отмахнулась от него.

– Что ж, понимаю,– продолжал Петро. – Ты не хочешь замуж без венчания в церкви. – Он показал рукой на снесённые церковные купола. – А мы там, в церкви, и повенчаемся... под портретом нашего дорогого и мудрого вождя и учителя товарища...

– Молчи, дурак! – воскликнула женщина, сердитая, что он пытается всунуться перед ней.

Но Петро всё не отступал. Он сменил тон и заговорил голосом, который звучал точно как голос "товарища Черепина".

– Эй ты, враг народа! – прикрикнул он на ту женщину. – По какому праву ты оказалась в очереди за селёдкой впереди героя и инвалида революции, да ещё и члена комбеда?

Она же его всё не пускала.

Ситуация стала несколько двусмысленной. Петро своими шутками привык вызывать хохот в компании. А здесь он остроумием просто превзошёл самого себя. "Товарища Черепина" он копировал превосходно. Но никто на этот раз не осмеливался смеяться. Петро же откровенно насмехался над советской властью, а каждый боялся сексотов – конечно же, присутствующих и здесь.

– Товарищ враг народа, – продолжал он, обращаясь к той самой женщине, – именем нашей любимой коммунистической партии и дорогого правительства я вас арестую за отказ содействовать герою пролетарской революции в его желании скорее купить свою пайку селёдки, данную ему этими самыми любимыми партией и правительством.

Молодушка все же отказалась посодействовать герою революции. Тогда Петро переключил своё внимание на пожилую женщину, продолжая всё в том же шутливом тоне.

– Вы такое видели, бабуся? – спросил он, показывая на молодушку. – Я помогал строить этот коммунистический рай, в результате которого имеем ежегодную продажу селёдки, а она, видите ли, не пропускает меня, чтобы я купил селёдку раньше её. Так можно ли мне встать перед вами?

Но и здесь Петру не повезло. Бабуся тоже не была расположена к шуткам.

— Ты уже дорвался до своего рая. Вон отсюда! — буркнула она.

— Что? — аж вскрикнул Петро от неожиданности.

— А так, — ответила старуха. — Дорвался до своего рая, так и блаженствуй! Вон там конец очереди.

Петро подскочил ближе к бабке.

— Дорогая моя! — восклицал он. — Да я ж годами в этом раю своего ангела выискиваю, и вот сейчас нашёл! Да ещё где — в очереди за селёдкой!

Пока старуха отбивалась от Петра, который порывался поцеловать её, ещё один пьянчуга подступил к очереди, махая руками и распевая во всё горло.

Человек средних лет, он был не меньше Петра известен как шутник. Звали его Антоном. Во время гражданской войны он был красным партизаном. Его тоже считали "образованным" человеком, во всяком случае мы все знали, что он умел читать и писать.

Петро оставил в покое бабусю и бросился навстречу Антону.

— О, свояк свояка узнаёт издалека! — крикнул он Антону. — Да здравствуют райские пьяницы!

— Урра! — ответил Антон, обнимая своего приятеля.

— Да здравствуют едоки селёдки! — и Петро среагировал ещё более громким "урра!"

— Слушай, дружище, — начал опять Антон, — ты буржуйско-капиталистически-контрреволюционно-империалистическая акула...

— Спасибо, — ответил Петро. — Спасибо за честь.

— Селёдки захотелось, да? — продолжал Антон. — А разве это не контрреволюционная прихоть?

Петро засмеялся и сам перешёл в наступление.

— Ах ты, старый, никчемный, неряшливый хряк! Ты, Антон, даже хуже хряка, ты — враг народа. Наихудший и самый никчемный враг, которого мне пришлось видеть за всю свою пьянскую жизнь!

— Это для меня большая честь, — ответил Антон.

— Как ты посмел прийти на ежегодную продажу селёдки в таком виде? — продолжал Петро, показывая на Антона. — Прий-

ти на люди в таких грязных штанах на своих социалистических ногах?

И он, смеясь, ткнул пальцем на штаны Антона, которые просвечивали дырками.

– Я тебя спрашиваю, разве разрешено в нашем социалистическом раю, под руководством нашего дорогого и любимого, нашего мудрого и всесильного, нашего учителя и вождя, великого товарища...

– Заткни рот, вонючая падаль! Мне аж блевать хочется! – рявкнул Антон.

– Вот это я и имел в виду, – не замолкал Петро. – Тебя на рвоту потянуло, когда я заговорил о нашем дорогом и любимом...

– Убью тебя, гада! – закипел Антон.

Петро всё порывался назвать имя этого вождя, к которому относились все пропагандистские определения, применяемые к личности Сталина. Упрямый протест со стороны Антона его не остановил, а лишь увлек мысль в сторону.

– Ладно, ты мне лучше прямо ответь про свои штаны, – требовал Петро. – Как это возможно, что ты выставляешь напоказ свои костистые колени, будто нищий из капиталистической страны?

– А вот ты и не прав, товарищ красный партизан, – ответил Антон. – Мои штаны и не грязные, и не драные. Это такая новая мода.

– Тоже мне мода! – Петро продолжал стоять на своем. – Ты хочешь сказать, что вот эти дырки совсем и не дырки?

– Да, дружище, не дырки, – подтвердил Антон. – Это только маленькие отверстия, чтобы ветер гулял.

Петро вздохнул.

– А создатели этой моды тоже имеют такие отверстия? – спросил он.

– Об их штанах я не знаю, а только о головах.

Наговорившись вот так вволю, – они снова обратили внимание на очередь за селёдкой. Петро, опять копируя "товарища Черепина", стал провозглашать:

– Товарищи, мои соотечественники! Отныне, товарищи, вам каждый год полагается по целой селёдке. Мы назовём его

Красной Селёдкой, поскольку кто из вас, товарищи, не сможет съесть свою пайку, тот должен будет сдать излишки дорогой партии и правительству. А те, в свою очередь, разделят их между трудящимися стран капитализма, которые терпят голод. Товарищи, включайтесь в соцсоревнование за сбор излишков селёдки для трудящихся капиталистического мира!

Никто в толпе не смеялся ни во время, ни после этой "селёдочной" речи. Сознавая опасность самого слушания таких слов, люди повернулись к Петру спинами.

Увидев, что его юмор не нашёл отклика у публики, Петро привлек Антона к другому развлекательному жанру, а именно к танцу и пению.

Они начали петь новые антикомуняцкие песенки, сочиненные крестьянами во времена коллективизации. Спели несколько, пока не убедились, что им всё равно не удается развеселить народ, и тогда пошли прочь, пробиваясь локтями сквозь очередь и распевая:

Коммунисты, коммунисты!
И не жалко это вам
Продавать всю Украину
По-дешёвке москалям?

Вот на этом пении они и были задержаны и теперь оказались перед колхозным судом в роли подсудимых, каждый под охраной отдельного милиционера.

В то время я ещё совсем ничего не знал ни о юридических системах, ни о судебных процессуальных нормах, но даже меня поразила та трагикомическая пародия на правосудие, которая разыгрывалась перед нами. Зачитав акт обвинения, в котором ни словом не было упомянуто об обстоятельствах и сути преступления, судья Сидор начал допрос подсудимых.

— Подсудимый, ваша фамилия! — прочитал он дрожащим голосом по бумажке, поднесённой близко к глазам, вопрос к Петру.

Это требование, вероятно, страшно удивило Петра.

— Что? — переспросил он, широко раскрыв рот. (Поскольку так случилось, что они с Сидором были близкими соседями и всю жизнь приятельствовали.) — Ты разве уже не знаешь меня?

Сидор страшно растерялся и, казалось, не знал, что делать дальше. Он беспомощно посмотрел на "товарища Черепина". С этого момента наш партиец полностью взял в свои руки процесс судопроизводства. Все прочие откликались только тогда, когда "товарищ Черепин" задавал вопросы.

– Ты слышал, что спросил судья? – злобно прошипел "товарищ Черепин", глядя на Петра, как на вредное насекомое. – Назови свою фамилию, имя и отчество...

– Да он же знает мою фамилию. Все знают... – начал было Петро.

– Твоя фамилия! – повторил Черепин, повышая голос.

Петро сначала беспомощно оглянулся вокруг, будто не мог понять, что случилось, и послушно ответил. Следующие вопросы уже лились потоком:

– Дата и место рождения?

– Профессия и место работы?

– Национальность?

– Партийность?

– Кто были родители?

– Их социальное положение до революции?

– Пользовались ли родители наёмным трудом?

И это был только припев к длительному и изнуряющему допросу. Петра обязали рассказать в подробностях свою биографию с детства до сегодняшнего дня. Особенно "товарищ Черепин" интересовался тем, что родители Петра, деды, другие родственники, а также родители, деды и другие родственники его жены делали до и во время революции и гражданской войны. Были ли они на государственной или военной службе при царизме? Бедные были или богатые? Эксплуатировали ли батраков? Как они восприняли октябрьскую революцию?

Для нас, крестьян, такое выспрашивание было удивительным явлением, и этим пугало. Мало кто из нас знал точную дату даже собственного рождения, не то что своих родственников. Покойных деда и бабу и других родственников вспоминали добрым словом, но вряд ли кто знал, имели ли они наёмных работников, или не имели. Так что мы поначалу просто не могли понять, какое отношение имели предки Петра к этому суду. Но

чем дальше длился допрос, тем очевиднее нам становилось, что теперь мы должны отвечать и за действия наших предков.

Петро знал, сколько ему приблизительно лет, а вот когда родился – не знал по той простой причине, что его рождение не было зарегистрировано.

А "товарищ Черепин" расценил это как неуважение к суду. К тому же Петро не смог подробно объяснить все свои перемещения и виды деятельности до и во время октябрьской революции и гражданской войны. Это истолковывалось как попытка скрыть своё участие в контрреволюции. Ещё более глубокое копание в личной жизни Петра выявило, что его отец во время мировой войны был каким-то вроде унтер-офицером в царской армии. Ни один человек в нашем селе, в том числе и сам Петро, не знал, какое именно звание ему дали, но это не препятствовало его славе героя, ведь в царской армии не многим крестьянам удавалось дослужиться хотя бы до такого чина. Но всё равно он погиб в бою на передовой, и в селе о нём забыли. Петро и не подозревал, что из-за этого небольшого чина, хотя каким бы он ни был, может подняться такая суматоха. Но "товарищ Черепин" склонялся к другой точке зрения.

– Так-так... Твой отец был унтер-офицером в царской армии, не так ли? – значительно акцентировал он на это "офицером", что в те года звучало как анафема. – Скажи мне, – продолжал он, выдержав паузу, – много ли бедных крестьян служило унтер-офицерами в царской армии?

– А откуда мне знать? – ответил Петро.

– Немного! – заявил Черепин, вперив взгляд в Петра. – Чины получали только те крестьяне, которые верно служили царю и царскому режиму, разве не так?

– Мой отец был... – хотел что-то сказать Петро.

– Тебе слово не предоставлялось! – резко прервал его "товарищ Черепин". – Мы знаем таких типов, мы ещё помним те времена. Твой отец был повышен в ранге за свою преданность царю; а после повышения он стал тем рабским надсмотрщиком в армии, которых мы все так ненавидели. Если б его не убили, он бы стал контрреволюционером, врагом народа.

– Но... – опять силился что-то сказать Петро.

– Замолчи! – грозно одёрнул его "товарищ Черепин".

– Но он же погиб ещё за три года до революции! – воскликнул Петро.

"Товарищ Черепин" просто не успел перебить его, поэтому только сидел и презрительно смотрел на Петра. После минутного молчания он наклонился к судье Сидору и прошептал ему что-то. Тот торопливо приказал Петру сесть.

Потом он вызвал подсудимого Антона. От него также требовали ответов на множество вопросов, но допрашивали недолго. "Товарищ Черепин" опять наклонился к судье, который механически повторил и этому приказ сесть, а потом объявил, что слово предоставляется "товарищу Черепину". Это должно было быть вроде прокурорское обвинение, но в действительности оно оказалось очередной политической речью, полной затёртых фраз. Из этой речи мы поняли, что Петра и Антона обвиняют в агитации против коммунистической партии и советского правительства и в распространении украинского национализма. Конечно же, им обоим перепали ярлыки контрреволюционеров и врагов народа. Относительно Петра было в частности подчёркнуто, что он – сын бывшего царского унтер-офицера и как таковой может в любую минуту стать саботажником. Исходя из всего этого, "товарищ Черепин" предложил передать их дело в народный суд и в органы государственной безопасности.

Когда "товарищ Черепин" закончил, кто-то зааплодировал в ладони и к нему присоединились другие. Что-что, а аплодировать мы уже научились. А потом стало так тихо, как бывает в церкви.

– А какие же такие преступления они совершили? – послышался вдруг громкий возглас из задних рядов.

– Что именно они там натворили? – поддержал его кто-то с другого места.

Зал ожил. Послышались голоса желающих знать, в чём же всё-таки состоят преступления подсудимых. Судья Сидор по-собачьи преданным взглядом всматривался в "товарища Черепина", а заседатели нервно заёрзали на своих местах.

Но "товарищ Черепин" всегда был готов к любым неожиданностям. Не обращая никакого внимания на судью, он медленно поднялся в полный рост и деловым тоном нам пояснил:

— Поскольку преступление подсудимых состоит в их антипартийной агитации и одновременно в их высмеивании партии, правительства и меня, вашего партийного представителя, поскольку они пропагандировали украинский национализм и поскольку повторять прилюдно их враждебные высказывания на суде означало бы повторять их преступления против партии и государства, суд придерживается мнения, что привселюдное повторение их высказываний может нанести вред интересам партии и правительства.

Вот и всё. Было немного путано, как для наших умов, но ответ мы услышали.

— Ещё будут какие-нибудь вопросы? — поинтересовался для порядка "товарищ Черепин".

Больше вопросов не было.

Тогда мы, к нашему удивлению, услышали, что подсудимым предоставляется возможность сказать последнее слово в свою защиту. "Товарищ Черепин" что-то шепнул судье Сидору и тот объявил, что первым будет говорить подсудимый Антон.

Антон, держа двумя руками свою замасленную шапку и переступая с ноги на ногу, молчал, не зная, что сказать. Он только вновь и вновь повторял, что не помнит, что делал или говорил утром в то воскресенье, поскольку был пьян.

Настала очередь Петра. Немного растерянный сначала, Петро быстро пришёл в себя. Долгим, проницательным взглядом он смерил начальство, а посмотрев на членов суда, лишь покачал головой, дескать, понимаю ваше положение, что с вас возьмешь. Потом почему-то перевёл взгляд на рваную сорочку Антона и свои ноги, обмотанные портянками. И лишь тогда заговорил:

— Товарищи... — механически вырвалось у него общеупотребительное тогда официальное обращение.

— Мы тебе не товарищи, — перебил его "товарищ Черепин". — Ты здесь под судом!

— А кто же допрашивает? — ответил Петро. — Судья же вроде Сидор!

В зале послышался смех. Судья Сидор, который до сих пор сидел, как аршин, на своём стуле, посмотрел на членов суда и увидел, что те тоже смотрят на него и переглядываются.

Но это состояние замешательства длилось недолго. "Товарищ Черепин" вскочил.

– Я здесь допрашиваю! – выпалил он напыщенно. – А на вопросы, которые я задаю, нужно отвечать, потому что я представитель партии.

Выдержав должную паузу, он сказал:

– Хватит с нас уже твоих шуток, – и, стукнув кулаком по столу, крикнул: – Продолжайте, товарищ судья!

Петру всё же дали закончить последнее слово. Он не просил помилования. Он только заявил, что если Антон в чём-нибудь и вправду виноват, то это только в том, что он, Петро, втянул его в тот разговор. Он просил судей оправдать Антона. Потом суд удалился на совещание.

Через непродолжительное время занавес снова взвился вверх, открывая зрителям суд в полном составе на своих местах.

Судья Сидор дрожащим голосом сообщил, что поскольку данное преступление выходит за рамки юрисдикции колхозного суда, это дело передаётся на рассмотрение высшей судебной инстанции, какая она там есть, и в органы государственной безопасности. Подсудимые должны оставаться под стражей.

Тогда мы в последний раз видели Петра и Антона, наших сельских шутников, бедняков и ревностных защитников октябрьской революции.

Покончив с делом Петра и Антона, суд рассмотрел ещё несколько более мелких дел. Один смирный тихий дядька должен был доложить суду, почему он не выполнил нормы государственной хлебосдачи. Нам было ясно, что суд над ним должен быть показательным, ведь большая часть наших односельчан тоже не имела возможности рассчитаться с этими хлебосдачами. А ему просто выпало несчастье попасть в козлы отпущения в назидание другим. Суд объявил подсудимого врагом народа и дело его также передал в высшую судебную инстанцию и в органы госбезопасности.

Такой же приговор был вынесен и ещё двум дядькам. Одного обвинили в том, что прежде, чем вступить в колхоз, он продал своего коня, а второму полагалось наказание за то, что обозвал какого-то комсомольца янычаром.

Следующее дело было иного рода. Судились двое несчастных крестьян. Оба были оборванные, бородатые и грязные. Они не разговаривали между собой, были явно в ссоре. У одного из них было своё любимое место, где он ловил рыбу, и считал его своим. Когда же как-то утром он пошёл туда, то увидел, что оно уже занято: его соседу это место тоже понравилось. Завязался спор. Первый крестьянин требовал освободить место для него – он привык к нему, своими руками обустроил там что-то и вообще годами уже рыбачил на этом месте. Но другой тоже оказался упрямым и не видел причины, почему он должен был уступить соседу. Ведь в конце концов, твердил он, речка, вода, рыба, воздух, всё это принадлежит всем людям поровну. Не это ли говорил им пропагандист в воскресенье на собрании? На первого, однако, даже такие весомые аргументы не подействовали, и он ударил соседа кулаком между глаз. Началась драка, из которой захватчик вышел с синяками под глазами и расквашенным носом.

Он решил отомстить и пожаловался в сельсовет, вследствие чего оба оказались на скамье подсудимых.

Самым колоритным в их деле был приговор. "Товарищ Черепин" объявил его лично – видать, не отважившись доверить такой важный момент даже Сидору, судье.

"Товарищ Черепин" заявил, что поскольку реки, земля и леса принадлежат народу, то оба – и истец, и ответчик – виновны в посягательстве на народную собственность, чем они совершили преступление. Учитывая это, обоих осудили на две недели принудительных работ.

А Панас Коваленко (никакой не родственник судье Сидору) – бедняк, ныне колхозник – не знал, что значит слово "жлоб". Это и привело его в колхозный суд, и в конце концов стоило ему жизни.

Событие, вследствие которого Панас оказался в суде, произошло на колхозном поле за несколько дней до суда. Была пора весенней пахоты и сева, и однажды Панас занялся боронованием. Так случилось, что именно в тот день в колхоз пожаловала партийная комиссия из района и, обследуя поля, остановилась недалеко от Панаса. Панас их тоже заметил. Они стояли посреди дороги, что-то обсуждая. Говорили, видно, о нём, потому что один начальник показывал в его сторону пальцем.

Когда Панас с бороной приблизился к ним, "товарищ Черепин", который водил начальство по полям, приказал ему остановиться. Как только он остановился, к пашне подошло всё начальство.

– Что это ты делаешь? – спросил его "товарищ Черепин", вытянувшись по-военному.

– Вы же сами видите что, – ответил Панас.

– Что это значит? Ты не умеешь говорить? – рассердился "товарищ Черепин".

– Умею. А разве вы не видите, что я делаю? – ответил Панас, уже немного раздражённо.

Тут в разговор вмешался один из районного начальства.

– Товарищ Черепин хочет знать, как вы называете этот вид работы, которым сейчас занимаетесь.

– Это я бороную, – ответил Панас, посматривая прищуренным глазом на незнакомцев и "товарища Черепина". У того же самого начальника была в руке какая-то брошюра, и он сразу же принялся её листать, что-то там выискивая. Найдя нужную страницу, он внимательно перечитал её и внимательно посмотрел на борону, а потом на "товарища Черепина". А потом спросил Панаса:

– А вы всегда вот так боронуете?

– А как бы я мог иначе? – ответил Панас. – Издавна мои предки так делали, вот и я так.

– И вы используете только одну борону, когда боронуете? – продолжал начальник.

В брошюре, с которой он сверялся, было написано, что колхозы должны обрабатывать землю "в три бороны", то есть забороновывать пашню последовательно трижды, один раз за другим. Однако кто-то далёкий от хлебопашества мог представлять себе эти "три бороны" наложенными одна на другую. И так неправильно объясняли себе это выражение партийные начальники. Теперь же они стояли поражённые, увидев, что Панас боронует только одной бороной. Это было откровенным нарушением партийных инструкций и потому – непростительным преступлением.

Когда же начальники проявили свою тревогу, а Панас стоял себе спокойно, самый главный начальник разгневался.

Отвернувшись от Панаса, он взялся за "товарища Черепина", который продолжал стоять по стойке смирно.

– Товарищ Черепин! – сказал партийный начальник. – Вас партия и правительство прислали сюда следить, чтобы всё шло хорошо и гладко, в соответствии с партийными указаниями. А вы не оправдали надежд партии!

"Товарищ Черепин" сосредоточенно слушал, глядя не мигая на райпарткомовца. А тот, показывая на брошюру, продолжал:

– Вот в этих инструкциях, – и он помахал брошюрой, подняв её вверх, – ясно сказано, что боронование нужно проводить в три бороны. А этот колхозник, как вы сами видите, боронует только в одну. Чем вы можете объяснить тот факт, что в вашем колхозе игнорируются партийные инструкции?

Пока самый старший из начальства говорил, все другие смотрели то на борону, то на "товарища Черепина", то на Панаса. Ситуация становилась совсем неприятной. Бросив последний взгляд на Черепина и колхозника, как на самых худших предателей, и не ожидая оправданий, комиссия оставила их двоих посреди поля и направилась к своему автомобилю. Этот быстрый уход комиссии привёл к ссоре между обоими "виновниками".

"Товарищ Черепин" во весь голос обвинил Панаса в нарушении партийных указаний о бороновании. Эти указания однозначно призывали к обработке в три бороны, твердил партиец. Значит нужно было наложить три бороны, одну на одну. Он твёрдо знал, что донёс эти инструкции до всех бригадиров, и также был уверен, что Панасу было известно о них, но всё-таки он, Панас, совершенно проигнорировал его указания. И, несомненно, сделал это нарочно.

Он сделал это, чтобы умалить руководящую роль партии в сельском хозяйстве и этим подорвать социалистическую систему хозяйствования на селе.

Панас, со своей стороны, пытался объяснить, что инструкции нужно понимать как тройное боронование, и он собирался трижды бороновать – один раз за другим. Но он не мог сделать это именно в тот день, потому что, во-первых, в колхозе не было достаточно борон, а во-вторых, конь был слишком слабый, чтобы тянуть три сцепленные бороны.

Но это объяснение не помогло Панасу. "Товарищ Черепин" настаивал на своём – что Панас игнорировал его указания нарочно. Более того, он назвал Панаса предателем, саботажником и, конечно же, – врагом народа. А это было уже слишком. Даже бедняк Панас не мог этого стерпеть.

– Отвяжись от меня, ты, жлоб! – воскликнул он сгоряча.

Для "товарища Черепина" это был совершенно невероятный поворот всего события. Чтобы кто-то посмел его так обозвать! Он же был представитель партии! Все, что он делал, – делал от имени партии. Каждый, кто имел с ним дело, имел дело с партией и правительством, воплощёнными в его персоне. А каждый, кто выступал против него, тот выступал и против партии и правительства. А тут ещё этот зачуханый мужик посмел обозвать его жлобом! С этим он уже никак не мог смириться. Таких обид он не простит никому, тем более мужику. Этого неотёсанного крестьянина нужно будет проучить. Он, "товарищ Черепин", – старый революционер, старый большевик, красный партизан в гражданскую войну, он научит Панаса как нужно говорить с представителем партии и правительства! Этот тёмный мужлан, эта скотина, должен быть наказан так, чтобы и он, и, если на то пошло, любой другой на его месте, никогда в будущем не смел таким образом относиться к уполномоченному представителю партии. Этот неотёсанный мужик будет помнить, пока будет жить, как он его проучил.

– Всё это ты объяснишь перед судом, – процедил сквозь зубы "товарищ Черепин", пытаясь взять себя в руки.

– Тебя вовремя уведомят. Но запомни, что я тебе этого так не прощу!

Панас остался в поле один. Он знал, что у "товарища Черепина" слово с делом не расходятся.

Но всё-таки – что это такое "жлоб"? Этот вопрос поразил Панаса своей таинственностью, как только "товарищ Черепин" оставил его одного. Он думал, что знает значение этого слова. И ничего в нём такого не было, чтоб подвести человека под суд. Сколько раз он слышал это слово среди людей! Больше того, его и самого не раз так называли, но он никогда не считал это оскорблением.

И вот теперь, сообразно с угрозой "товарища Черепина", Панас стоял перед колхозным судом. Черепин так увлёкся своей риторикой, что нам казалось, будто он совсем забыл именно об этом судебном деле. Но нет: примерно через час он наконец атаковал и Панаса. Голосом невинно оскорблённого человека он довёл до общего сведения, что во время выполнения своих служебных обязанностей он был унижен и дискредитирован гражданином Панасом Коваленко. Все обратили внимание, что он не назвал его "товарищем", поскольку такое обращение относилось только к лояльным гражданам. Мы все понимали, что это был дурной знак. По нашему мнению, Панаса уже признали виновным. Назвав фамилию Панаса, Черепин остановился и долго всматривался в лица присутствующих, будто ища у них сочувствия. Потом снова заговорил. Преступление Панаса он описывал пронзительно-надрывным голосом. С каждым его словом преступление вроде всё увеличивалось и увеличивалось, а сам Панас уменьшался и уменьшался.

– Вот это существо, – свирепо показывал оратор двумя руками на Панаса, – не только проигнорировало партийную инструкцию. Мало того, оно ещё смело оскорбить меня, представителя нашей партии и правительства. Заметьте: унижая меня, он тем самым оскорбил и опозорил партию и правительство; он своим поступком также оскорбил нашего дорогого и любимого вождя и учителя, товарища...

Фамилия вождя большевистской партии утонула в соответствующем взрыве аплодисментов.

"Товарищ Черепин" на трибуне самодовольно оглянулся. Панас стоял, уткнувшись глазами в свои сапоги. Когда аплодисменты постепенно стихли, "товарищ Черепин" медленно объявил приговор: преступление Панаса настолько серьезное, что он советует передать дело органам государственной безопасности и высшим судебным инстанциям.

Всё бы прошло гладко, если бы "товарищ Черепин" не пропустил существенной подробности: как смог Панас оскорбить и партию, и правительство, и "товарища Черепина", да ещё и самого вождя – всех вместе?

– Да как же он вас оскорбил? – воскликнул кто-то из угла.

Тут уже и другим захотелось узнать точно, что же, собственно, произошло между "товарищем Черепиным" и Панасом. Кто-то даже поинтересовался, были ли свидетели при этом происшествии, каким бы оно ни было. Сначала "товарищ Черепин" какое-то мгновение спокойно смотрел куда-то вдаль. Потом он встал, попил воды, рассмотрел стакан, словно хотел убедиться, всё ли допил, осторожно поставил стакан, кашлянул в кулак и будто нечаянно постучал, призывая к порядку. Шум и возгласы сразу утихли, залегла мёртвая тишина. Никто не решался и пошевелиться. Мы все ожидали, что он скажет.

Но "товарищ Черепин" не спешил. Он молча уставился в присутствующих, будто намереваясь загипнотизировать каждого в зале. Наконец он проговорил:

– Поскольку характер преступления гражданина Коваленко такой, что дискредитирует нашу любимую партию и правительство и меня как представителя нашей партии в этом селе, то думаю, что было бы нецелесообразно повторять его здесь публично.

Помолчав ещё немного, он добавил чётким голосом:

– Я повторяю своё требование – и это требование нашей любимой партии и правительства: поскольку злонамеренность преступления подсудимого не вызывает сомнений, его дело необходимо передать в высший суд и в органы государственной безопасности.

Произнеся этот свой вердикт, он сознательно выждал минуту, как будто ожидая какого-то возражения. Потом заметил что-то судье Сидору, видимо, приказывая начать судебное слушание, хотя и без этого всем было ясно, что Панаса ещё до начала слушания уже осудили. А Сидору, как и в предыдущих делах, просто не хватило слов. Растерянный и беспомощный, он только посматривал то на подсудимого, то на "товарища Черепина". Только после того как Черепин что-то прошептал ему на ухо, Сидор вызвал подсудимого и сказал:

– Как заявил товарищ Черепин в своей патриотической речи, ты, Панас, оскорбил нашу партию и правительство и, кроме того, лично товарища Черепина. Ну, а теперь, – перешёл он с официального тона на доверительно-покровительственный, – а теперь скажи нам, что это тебе в голову взбрело?

– Ничего, товарищ... Ничего такого мне не взбрело...– начал живо Панас.

Сидор, посмотрев на Черепина, поправил его: "Ничего, товарищ судья!"

Панас неохотно повторил подсказанную ему словесную формулу, но на этом проблема процедурного обращения подсудимого к судье не исчерпалась: вмешался "товарищ Черепин" и поправил обоих: "Ничего, гражданин судья!"

Панас послушно и это повторил.

Затем судья возобновил допрос подсудимого.

– А зачем же ты сказал такое? – спросил он учтиво, как отец порой укоряет своего ребёнка за плохое поведение.

– Какое такое?

– Ты же знаешь, что ты сказал.

– А, ты имеешь в виду слово "жлоб"?

Так вот в чём дело! Панас невольно произнес то преступное слово, которое "товарищ Черепин" не отваживался повторить публично.

Ответ Панаса вызвал сенсацию среди присутствующих. Кто-то хихикнул. Испугавшись, Сидор стал призывать к порядку, но никто его не слушал. Возбуждение в зале нарастало. Даже "товарищ Черепин" немного забеспокоился, хоть и ненадолго. Он резко вскочил и зазвонил, требуя тишины, но шум не затихал. Несколько секунд он простоял безмолвно, будто взвешивая, как быть дальше. Наконец поднял голову и взвизгнул во весь голос:

– Партия и правительство не потерпят здесь бунта!

В ту же секунду всё занемело. "Товарищ Черепин" какую-то минуту задумчиво всматривался в присутствующих, а затем медленно стал говорить, смакуя каждое слово.

– Как все вы, товарищи, видели и собственными ушами слышали, он, – Черепин ткнул пальцем в Панаса, – сделал это снова. Он типичный враг народа, потому что именно враги народа используют каждую возможность, чтоб дискредитировать нашу любимую партию и правительство. Как вы заметили, я не хотел выявлять суть данного преступления, потому что не хотел ещё раз выставлять нашу любимую партию и правительство на злостное поругание публично.

"Товарищ Черепин" на секунду замолчал. В зале ощущалось сильное напряжение. Мы сидели тихо, опустив головы. Мы слишком хорошо знали, что тот, кому прикрепили ярлык "враг народа", пропал навеки. Никакой возможности защититься у него не было.

– Я ещё раз говорю, – продолжал "товарищ Черепин", высоко подняв голову, – я не хотел публично повторять это дерзкое оскорбление, чтобы лишний раз не запятнать ни нашу любимую партию, ни правительство, ни вас, товарищи. Я говорю "вас", потому что большевистская партия и советское правительство – это, товарищи, ваша партия и ваше правительство.

Эта нотка была чем-то новым в его выступлении: он и нас втянул во всё это дело и нам было странно слышать такое, ведь никто из нас не чувствовал себя оскорблённым. Наоборот, наши симпатии были на стороне Панаса.

– Но он, подсудимый, – продолжал тем временем "товарищ Черепин", – использовал этот высокодостойный суд, чтобы публично повторить своё чёрное деяние.

Мы уже настроились слушать новую патриотическую речь, как вдруг заговорил Панас:

– Люди добрые! – в отчаянии воскликнул он. – В своём ли вы уме? Я же ничего такого не сказал, чтобы это нельзя было здесь повторить!

Но никто ни слова не сказал в его поддержку. Все молчали, а "товарищ Черепин" только обводил присутствующих бдительным взглядом.

– Нет, все-таки сказал, сказал, – проговорил он, обращаясь к Панасу после паузы.

А потом стал сам допрашивать подсудимого, не обращая никакого внимания на судью, который только молча таращил глаза то на Черепина, то на Панаса.

– Объясни, как ты посмел сказать такое на партийного представителя? – обратился он к Панасу чуть ли не доброжелательным тоном. Ответа не было.

– Или тебе нечего сказать в своё оправдание?

Панас что-то пробормотал себе под нос, чего никто не расслышал.

– Это ты сам по своей доброй воле сказал на меня, представителя партии, что я... тот самый?

– Но, товарищ Черепин... – начал было Панас.

– Никакой я тебе не товарищ! – рявкнул "товарищ Черепин". – Сколько раз я должен тебе повторять?

– Ну, ладно... – буркнул Панас, но "товарищ Черепин" грозно перебил его:

– Я ещё не закончил!

– Да я имел в виду... – попробовал опять Панас.

– Что ты там имел в виду – не считается. Считается только то, что ты сказал, – обрезал его "товарищ Черепин" и после паузы продолжил: – Возможно, ты не имел в виду назвать меня. партию и правительство так, как ты назвал...

– Да знаете, я думал... – опять начал было Панас.

– То есть я имею в виду, может, ты немного погорячился? Так это было?

"Товарищ Черепин" явно хотел вытянуть из Панаса публичное признание, что он в действительности не думал называть его так и что он раскаивается за то слово, какое вырвалось у него в поле.

– Да, да, это я и хотел сказать, я совсем не имел в виду...

Было видно, что Панас сдаётся. Он всё время повторял:

– Я не хотел, я совсем не имел в виду...

"Товарищ Черепин" аж расцвёл в улыбке. Он видел, что враг сломлен. Выждав ещё одну из своих многозначительных пауз, он наконец наклонился к судье Сидору и что-то зашептал ему в ухо.

Но в зале опять прокатилась волна оживления. Людям хотелось всё же понять, что точно означает слово "жлоб".

– А что такое – "жлоб"? – воскликнул кто-то громко.

Из нас разве что пара человек знали, что это за слово. Тогда Панас объяснил, что он сам не знает точного его значения. Впервые он услышал это слово в городе: кто-то обозвал его жлобом в очереди за хлебом.

Однако "товарищ Черепин", без сомнения, хорошо знал, что значит это слово. Но он продолжал настаивать на том, что оно ужасно оскорбительное для него и для партии.

А ведь это было не так. Я тоже знал, что означает это слово и не мог сдержаться.

– Прошу слова для объяснения! – возбужденно воскликнул я и, не ожидая разрешения, выпалил: – Это не украинское слово, а русское, и означает оно "тупой нахал".

После этого моего торопливого объяснения всем стало ясно, что Панас не виноват в том, в чём его обвинял "товарищ Черепин", да и вообще не совершил никакого преступления. Но ему это всё равно не помогло. Настойчивость "товарища Черепина" взяла всё же верх, и суд признал, что Панас оскорбил не только его, но и партию и правительство, а значит дело нужно передать в высшую судебную инстанцию.

Панаса мы больше уже никогда не видели. Но с тех пор, будто в память о Панасе, "товарища Черепина" мы звали не иначе, как "товарищ Жлоб". Естественно, за глаза.